

Литература

1. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка [Текст] / А.В. Кунин. – М.: Высшая школа, 1996. – 381 с.
2. Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О. Аспекты теории фразеологии [Текст] / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
3. Владивская, И.С. Сборник фразеологических словосочетаний и идиом разговорного английского языка [Текст] / И.С. Владивская. – М.: Русский язык, 1970. – 76 с.
4. Кунин, А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь [Текст] / А.В. Кунин. – М.: Русский язык, 1984. – 944 с.
5. Кузьмина, С.С. Русско-английский фразеологический словарь [Текст] / С.С. Кузьмина. – М.: Флинта, 2006. – 776 с.
6. Виноградов, В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1986. – 418 с.
7. Cambridge International Dictionary of Idioms [Текст] – Cambridge University Press, 1998. – 608 p.

Ю.И. Аничкина (г. Белгород)

МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО АРГУМЕНТАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Метафоры, используемые при обсуждении политической жизни общества, все чаще привлекают внимание специалистов, которые стремятся выяснить, как и почему рождаются эти метафоры, в какой мере они отражают социальную психологию, политические процессы и личностные качества их участников.

Политическая метафора рассматривается как ведущий способ мышления и инструмент аргументации, обладающий сильным прагматическим эффектом. Исследование метафорического арсенала позволяет выявить подсознательные установки и стремления политического лидера, является ярким показателем особенностей национального самосознания и уровня политического развития общества [1].

В современной науке формируется представление о политической метафоре как об инструменте для моделирования и оценки политических процессов, как о средстве воздействия на социальное сознание.

Использование метафор нередко оказывается для политического лидера удачным способом «выразить многое, сказав немного», тонко влиять на настроения в обществе, представлять обществу новые идеи и одновременно вызывать интерес к своим выражениям. Изучение метафорического репертуара того или иного политика помогает лучше понять подсознательные механизмы его деятельности и подлинное отношение к той или иной проблеме [1].

Ведущая роль в исследовании политической коммуникации принадлежит Джорджу Лакоффу.

Именно в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live by» (1980) была разработана теория, которая привнесла системность в описание метафоры как когнитивного механизма и продемонстрировала большой эвристический потенциал применения теории в практическом исследовании.

Авторы постулировали, что метафора не ограничивается лишь сферой языка, а сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Метафора как феномен сознания проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии. «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [2]. Такой подход позволил окончательно вывести метафору за рамки языковой системы и рассматривать ее как феномен взаимодействия языка, мышления и культуры.

Конвенциональные метафорические соответствия между структурами знаний (концептуальные метафоры) согласованы с определенной культурой и языком. Например, концептуальная метафора ARGUMENT is WAR (СПОР - это ВОЙНА) согласована с базовыми ценностями культуры носителей английского языка. Политические войны, как и настоящие боевые действия, ведутся по определенным законам, в них есть победители и побежденные, каждая армия иерархически организована, в ее составе выделяются батальоны, полки, дивизии и другие структурные подразделения, участники боев имеют разнообразные воинские специальности (диверсанты, разведчики, пехотинцы и др.), в штабах разрабатывается стратегия и тактика военных действий, участники боевых действий атакуют и защищаются, они применяют различные виды вооружений и т. д. [3] Метафора не столько средство описания спора в понятиях войны, сколько устойчивый способ осмысления спора: можно проиграть или выиграть спор, оппонент воспринимается как противник, спорящие разрабатывают стратегии, занимают позиции, «расстреливают» (shoot down) аргументы противника и т.д.

He attacked every weak points in my argument.

Он напал на каждое слабое место в моей аргументации.

His criticisms were right on target.

Его критические замечания били точно в цель.

I demolished his argument.

Я разбил его аргументацию.

I've never won an argument with him.

Я никогда не побеждал в споре с ним.

You disagree? Okay, shoot!

Вы не согласны? Отлично, ваш выстрел!

Концептуальные метафоры «являются неотъемлемой частью культурной парадигмы носителей языка» [4], укоренены в сознании людей и настолько привычны, что нередко не осознаются как метафоры.

Для демонстрации того, как метафорические выражения повседневного языка могут прояснять метафорическую природу понятий, упорядочивающих наши повседневные действия, рассмотрим метафорическое понятие TIME IS MONEY 'ВРЕМЯ – ДЕНЬГИ' так, как оно отражается в современном английском языке.

TIME IS MONEY «ВРЕМЯ – ДЕНЬГИ»

You are wasting my time.

Вы отнимаете (букв. растрчиваете мое) у меня время.

This gadget will save you hours.

Это приспособление сэкономит вам много времени.

How do you spend your time these days?

Как вы проводите (букв. тратите) ваше время в эти дни?

That flat tire cost me an hour.

Эта спустившая шина стоила мне часа работы.

I've invested a lot of time in her.

букв.: Я вложил много времени в нее.

You need to budget your time.

Вам нужно *рассчитывать* свое время.

Исследователи сходятся во мнении, что политическая метафора - значимый инструмент манипуляции общественным сознанием [4].

Манипулятивная функция метафоры реализуется в создании определенного представления о действительности, необходимого политику и которое, чаще всего, кардинально отличается от реального положения вещей в мире. Итак, оратор как бы «манипулирует» представлениями адресата. Метафора в этом случае позволяет выделить какой-то аспект проблемы, сделать его более значимым, или, наоборот, отвлечь от него внимание общества, показать какой-то вариант развития событий как абсолютно невозможный [5].

То, что метафорическая модель может служить эффективным орудием для манипулирования социальным сознанием, отмечает, в частности, и Дж. Лакофф [2]. В своей работе автор наглядно демонстрирует, как во время войны в Персидском заливе США оправдывали свое вмешательство в боевые действия между Ираком и Кувейтом при помощи различных метафор, которые, например, представляли Ирак «коварным злодеем», Кувейт - «невинной жертвой», а США - «благородным спасителем». Итак, война США против Ирака должна была оказаться в глазах американцев и мирового сообщества не как агрессия, а как обычная спасательная операция [2].

Для нас особенно важны прагматичная и манипулятивная функции, ведь политическую метафору рассматривают среди технологий речевого воздействия, то есть как средство управления. По словам А.Н. Баранова, «политическая метафора занимает значительное место в политическом диалоге в поиске альтернатив развития общества» и проблемных ситуаций и ограничивает поле принятия решений [5]. Метафору считают оптимальной формой актуализации адаптации любой политической идеи. Итак, метафора является мощным средством идеологического воздействия, с помощью которого формируются представления о различных сферах нашей жизни, что накладывает отпечаток на видение мира в целом [6].

Так, главную функцию метафоры можно охарактеризовать следующим образом: политическая метафора речевое воздействие с целью формирования у реципиента (чаще всего – у общества, электората) или положительной, или отрицательной мысли по той или иной политической единицы (политики, партии, программу, мероприятия).

Но одновременно высокая частотность обращения к метафоре в политике хоть и подчеркивает особое значение приема, но никак не свидетельствует об эффективности использования метафоры в процессе убеждения людей. Так, по

утверждению Лакоффа, метафора только тогда будет эффективной, когда сочетается с присущей каждому конкретному обществу понятийной системой, с миром идей.

Выбор политиком определенной понятийной области для описания своего видения ситуации имеет немаловажное значение. Одну и ту же ситуацию можно представить как военный конфликт, в котором нужно во что бы то ни стало разгромить противника, или как поломку транспортного средства, которую можно устранить при слаженной работе всех пассажиров. Метафоры политиков задают способ осмысления ситуаций, подталкивая слушателя к выбору определенного сценария для понимания и оценки этой ситуации.

Как отмечает П. Серио, не существует высказывания, «в котором нельзя было бы не увидеть культурную обусловленность и которое нельзя было бы тем самым связать с характеристиками, интересами, значимостями, свойственными определенному обществу или определенной социальной группе, их признающей в качестве своих. В любом высказывании можно обнаружить властные отношения» [7]. При этом важно учитывать, что содержание сообщения нередко соотносится со сферой политики имплицитно. Как отмечает Дж. Юл, исследование дискурса направлено на изучение того, что не сказано или не написано, но получено (или ментально сконструировано) адресатом в процессе коммуникации. Необходимо обнаружить за лингвистическими феноменами структуры знаний (концепты, фоновые знания, верования, ожидания, фреймы и др.), то есть, исследуя дискурс, «мы неизбежно исследуем сознание говорящего или пишущего» [8].

Являясь одним из инструментов воздействия, манипулирования сознанием и мыслительными процессами, «метафора привлекает и удерживает внимание, насыщает текст выразительными образами, которые надолго сохраняются в памяти, влияет на ассоциативное мышление. Не менее важен тот факт, что метафора стимулирует процесс принятия решений указывают на свойство метафора подсказывать, настраивать, наводить на определенный тип решения и поведения». Это незаменимый инструмент при поиске решений проблемных ситуаций: «Метафорическое мышление в политике является признаком кризисного мышления, мышления в сложной ситуации, разрешение которой требует значительных усилий от когнитивной системы человека по усвоению новых знаний и переработке их для построения множества вариантов действий и выбора правильной альтернативы» [10].

Литература

1. Чудинов А.П. Политический дискурс/ Уральский филологический вестник № 2 // Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. - Екатеринбург, 2012. – С.85-86.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: УРСС Эдиториал, 2004. – С.156-159.
3. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2003. – С. 65.
4. Lakoff G., Johnsen M. Metaphors we live by. - London: The university of Chicago press, 2003. – P. 287-291.
5. Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры //Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.

Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. – С. 184-193.

6. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С.98-102.

7. Серю, П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинаций / П. Серю // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999. – С.245.

8. Yule G. Pragmatics (Oxford introductions to language study). – Oxford: Oxford University Press, 1996. – P. 35.

9. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. – М.: Флинта: Наука, 2008. – С.122.

10. Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дис. на соискание учен. степ. докт. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / А.Н. Баранов. – М., 1990. – С.17.

Baraldo del Cerro M.L. (г. Белгород)

ЗАИМСТВОВАНИЕ ИЗ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ В АРГЕНТИНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Язык как средство коммуникации непосредственно связан с культурой самыми разнообразными и сложными отношениями. При этом языковые контакты имеют место как при непосредственных контактах народов, так и при отсутствии их, представляя важную часть опосредованных контактов культур. Одним из серьезных последствий взаимодействия культур является заимствование лингвистических единиц, одновременно представляющее собой определенную фазу в процессе заимствования культурных ценностей. В результате роста количества контактов в языках отмечается активное заимствование лексики, обозначающей различного рода объекты природы и явления культуры.

Территория, занимаемая Аргентиной, является одной из наиболее обширных в Латинской Америке. Как можно предположить, язык страны очень разнообразен, содержит в себе множество заимствований, взятых из других испано-американских языков. Как указывалось ранее Донни де Миранди [1,383], несомненно, что в отношении испанского языка в Аргентине существуют некоторые вопросы касательно природы языка, среди которых наиболее острым считается вопрос о географическом распространении языка, его культурных и лингвистических особенностях и разнообразии. Именно из-за своей многогранности с течением истории язык претерпевал множество исторических, демографических, социокультурных и экономических различий.

Влияние иностранных языков стало определяющим для построения общей лингвистической картины в Аргентине. Присутствие иммигрантов в истории Аргентины развило представление о языке. Большой поток иммигрантов изменил направление развития языков в Аргентине. Между 1870 и 1930 годами массовый приток иммигрантов стал причиной решения элиты о том, что стратегия модернизации выступает компонентом современной мнимой европеизации человечества. «Расовая чистота» является притворным